

Проблемы драматургии

ГОЛОС

Существует изречение: «Говори, чтобы я тебя, наконец, увидел». Небольшую семью современных латышских драматургов смело можно отнести к тем, кого видят, ибо они говорят. Страстно или менее горячо, честно или умалчивая кое о чем. Да, умалчивая, так сказать, соответственно времени и, увы, минуя его. Как здесь не вспомнить слова А. Толстого: «Каждое время и каждая жизнь пускают свои пузыри».

Для нашего времени самым большим пузырем оказалось несоответствие прекрасных и замечательных слов разным по величине и характеру своему делам. Большой этот пузырь породил уйму мелких. И пышно произрастали на фоне всего этого розы лжи и гвоздики полуправды, которые возлагались на алтарь великой веры в идеалы. Истине же или реальности, порой горькой, предназначались полевые цветы. И те, кто их приносил, казались нередко почти пророками, читай — чужаками.

Как тут не «смутиться разуму»? Писательскому — тоже. Ведь и писатель — человек. Он вращен своей средой, своим обществом и их взгляды выражает. Кроме того, и ему приходится зарабатывать на хлеб насущный. И старался он делать это, не опускаясь до лжи, однако сохраняя чувствительность, тем самым порой ограничивал свою гражданскую совесть. Так, чутьточку...

Но оставим прошлое. В конце концов не только время определяет мастера. Он сам и его талант создают то, что именуем мы масштабom художественной личности. И, по моему мнению, пусть не всегда громко, но все же чисто звучали и звучат голоса ведущих латышских драматургов.

Один из таких голосов — Паула Путныня. В 1965 году была завершена — и позднее поставлена — первая его пьеса. С тех пор создано уже более двадцати драматургических работ, пять киносценариев, написано также немало публицистических статей. Почти все сценические произведения Путныня увидели свет на театральной сцене нашей республики и за ее пределами. В общем, он бесспорно профессиональный, творчески активный драматург, пользующийся значительным успехом у зрителей. Сегодня трудно представить театральную

жизнь Латвии без сочинений Путныня.

В чем же секрет его успеха? Поскольку сам пишу пьесы, мне это особенно интересно выяснить. Тем более, что в популярности творчества моего коллеги вижу явление неоднозначное. Мне кажется, что здесь отражаются некоторые из тех тенденций нашего сценического искусства, по отношению к которым я нахожусь в известной оппозиции.

Что же в драматургии Путныня представляется мне спорным? Для начала отмечу повествовательность диалога. По-моему, многословие его героев становится порой испытанием даже для заинтересованного зрителя или читателя. Сразу хочу подчеркнуть, что велеречивость и многословие вообще достаточно распространенные явления в латышской драматургии.

Затронув вопрос о драматургии, в контексте которой находится и творчество Путныня, вероятно, стоит разбраться в ее идейно-художественных концепциях. Театральные критики не первый год упрекают авторов за приниженность темы, за тяготение к изображению обывательской среды, мещанского мышления. Упрекают обоснованно и, тем не менее, безрезультатно. Отчего? Не потому ли, что драматурги стремятся изобразить действительность в самых массовых и наиболее чреватых опасными проявлениями ситуациях? Кроме того, не секрет, что не всякий автор настолько талантлив, чтобы подняться над реальностью, четко определить новый ракурс ее видения.

К тому же поиск и воплощение масштабного замысла не очень-то стимулирует театральная практика. Нельзя не обратить внимание на то, что латышские драмы, идеи, трагедии, серьезные пьесы советских и зарубежных драматургов интерпретируются у нас облегченно. Мало того, глубокие по содержанию пьесы других народов на сценах латышских театров становятся порой чуть ли не развлекательными. Не все, разумеется, но все же...

Как известно, голос любого автора, а также театра звучит для зрителя. Но зритель определенным образом этот голос «настраивает». Каков же он — наш массовый зритель, всезнающий и знать ничего не желающий, усмехающийся над многими, в том числе и над

сценическими героями, внешне довольный собой, а по сути не больно-то счастливый? Продукт несоответствия слова и дела. Детище «главного пузыря». Но зритель, конечно же, многолик. Веруя в идеалы, намеренно, а иногда по наивности, не замечал реальности. Видя же реальность — не донкихотствовал, а «уходил» частично или полностью в обывательщину. И выдвинул своего героя — человека практической жизни, а не романтической или фанатической веры. Скептика.

К чести П. Путныня, он старается, насколько возможно, не заигрывать со зрителем. И апеллирует в своей драматургии к героям, которые в глазах обывателя кажутся наивными чужаками, как в мышлении, так и в стиле жизненного поведения. И, тем не менее, зритель — наш умудренный опытом скептик — охотно идет на пьесы Путныня, с удовольствием смотрит их.

Почему?.. Однажды один западный драматург, желая унижить Теннесси Уильямса, сказал, что тот нравится всем, потому, что в пьесах его есть «приманка» и для интеллектуалов, и для рядовых зрителей. По существу надобножелатель преподнес комплимент Уильямсу. Ведь жизнь — это ничтожное и великое, мудрое и глупое, чужающее и баюкающее. Не так ли?.. А Паул Путныня — реалист. Он показывает жизнь, какова она и есть и каковой ему видится. Несложно многим зрителям узнать и «прожить» себя в предложенных им ситуациях, в знакомой среде. Той, где, к сожалению, обыватель — наиболее типичный герой.

И вот в эту среду драматург бросает своих довольно наивных главных героев, отчаянно балансирующих между верой в идеалы и истинной реальностью. Героев, которые всегда являются побежденными, проигравшими. Да, им можно сочувствовать, но, увы, ради них не покинешь своих «окопов». Невольно задаешься вопросом: чувствует ли сам автор, что такие герои, как, например, Пинеллинский из пьесы «Дурак и гладильщики», Янка («Ужас, Янка начал думать»), Траутс («Там у цветника, где семья собираться») не способны «возвратить» сознание зрителя? Мне кажется, что ответ на этот вопрос может дать одна из самых сильных пьес П. Путныня «Сладостное бремя верности».

Я знаю, что многие усмотрели здесь в главном действующем лице Бертулсоне зачатки положительного героя будущего, на которого надо бы равняться. Не могу с этим согласиться. По-мо-

ему, высокие моральные нормы, которыми Бертулсон руководствуется, в жизни реализуются им просто-напросто аморально. И мне бы не хотелось, чтобы личный нравственный пример этого героя, отказавшегося на служебной машине доставить больного ребенка к врачу, нашел отклик в душе зрителя.

Однако в моем понимании Бертулсон — логическое продолжение галереи героев-чужаков. Он, так сказать, являет собой квинтэссенцию веры в идеалы, не замечающей реальности. А вера в идеалы, игнорирующая действительность, беспомощна, поэтому и не возлагается на героя роль властителя дум, не на нем хочет зафиксировать автор внимание зрителя. Главное для Путныня — показать, как, в каких условиях возник его герой. Какой уровень повальной безнравственности мог вызвать его к жизни? Так я вижу замысел драматурга.

Путь пьесы «Сладостное бремя верности» на театральную сцену не был устлан розами. Согласитесь, что несколько лет — срок изрядный. Ну, а другой его работе — «Наши сыновья» — на то, чтобы «выйти в люди», понадобилось четыре года. Поставлена она была только к XXVII съезду КПСС. Неужели ее, так сказать, берегли, дабы знаменовать ею это чрезвычайно важное для нашей страны событие, в то время как с ее помощью можно было готовить атмосферу активной, творческой предсезонной обстановки? В пьесе «Наши сыновья» П. Путныня сделал ставку на публичность. И, увы, художественная сторона не перетянула актуальный «багаж», уцененный не по вине драматурга. Из-за пресловутого «как бы чего не вышло» пострадали автор, зритель, театр.

И вот создана очередная актуальная пьеса «С избой в церковь». Автор наиболее полно реализовал в ней сильные стороны своего драматургического таланта. Здесь рассказывается о том, как недалекие люди понимают перестройку и подстраиваются под нее, открывая дорогу бесхозяйственности и халтуре. Колоритная, острая, сатирическая, требующая своевременной постановки... Стоит ли она? Как скоро?

Я сказал, что голоса наших драматургов звучали чисто все эти годы. Сегодня, я надеюсь, они будут звучать и громко. Потому особенно важно, чтобы их услышали вовремя. Во имя истины и веры в идеалы.

Я. ЮРКАНС,
член Союза писателей
Латвийской ССР.